

А.С. ШИШКОВ КАК ИДЕОЛОГ И ПРАКТИК РУССКОГО КОНСЕРВАТИЗМА

А. Ю. МИНАКОВ

*Воронежский
государственный
университет*

e-mail: arkadyi@vmail.ru

В статье описываются основные факты жизни и деятельности выдающегося представителя русской консервативной мысли первой трети XIX А.С. Шишкова. Подробно анализируется одно из основных произведений Шишкова «О старом и новом слоге языка российского», обстоятельства создания и деятельности созданного Шишковым в начале XIX в. литературного объединения русских консерваторов «Беседа любителей русского слова».

Ключевые слова: ранний русский консерватизм, галломания, православная традиция, национальное воспитание, славянофильство, государственная идеология.

Александр Семенович Шишков (9.03.1754 – 9.04.1841) – выдающийся русский государственный и общественный деятель, вошедший в учебники по русской истории и литературе как крайний “обскурант” и “реакционер”, создатель цензурного «чугунного» устава, как, в лучшем случае, фигура почти анекдотическая. Подобные оценки и отношение к Шишкову крайне необъективны. Современник Г.Р. Державина, Н.М. Карамзина, А.С. Пушкина, литератор и мыслитель Шишков был одним из активнейших участников тогдашнего культурного и политического процесса. Будучи политиком, он сыграл немаловажную роль в царствования Александра I и Николая I, занимая пост государственного секретаря в годы Отечественной войны 1812 года, пост президента Российской Академии, министра народного просвещения, наконец, члена Государственного Совета¹.

В первые годы правления Александра I Шишков был разочарован либеральным курсом, связанным с деятельностью членов “Негласного комитета” и М.М. Сперанского. Он обвинял молодых либеральных реформаторов в неопытности, отсутствии знаний отечественных традиций, законов и обрядов, в некритичном следовании “духу времени”, идеям, которые привели к “чудовищной французской революции”. Его взгляды того периода нашли отражение в “Рассуждении о старом и новом слоге российского языка” (1803 г.), в котором Шишков выступил против галломании – полной или частичной ориентированности высшего дворянского общества на современные французские культурно-поведенческие модели: язык, моды, идеологию и т.д. В “Рассуждении” Шишков агрессивно-резко выступил против тех, кто, по его словам, “заражен неисцелимою и лишаящею всякого рассудка страстию к Французскому языку”². К таковым им причислялись прежде всего литераторы сентименталистского направления, которые задавались целью усвоить красоты западной словесности, по преимуществу французской, создав в литературе сентиментальный “новый слог”.

В описании Шишкова галломания выглядела как тяжкая духовная болезнь, поразившая русское дворянское общество: “Они (французы – А.М.) учат нас всему: как одеваться, как ходить, как стоять, как петь, как говорить, как кланяться, и даже как сморкать и кашлять. Мы без знания языка их почитаем себя невеждами и дураками. Пишем друг к другу по Французски. Благородные девицы наши стыдятся спеть Рускую песню”³. Всё это, по мнению бравого адмирала, было чрезвычайно опасно для самой будущности русского государства и народа, поскольку: “ненавидеть свое и любить чу-

¹ Наиболее полная научная биография Шишкова создана знатоком его жизни и творчества М.Г. Альтшуллером. См.: Альтшуллер М.Г. Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. Изд-е 2-е, доп. М., 2007.

² Шишков А.С. Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка // Собрание сочинений и переводов. СПб., 1824. Ч. II. С. 1. (в дальнейшем – “Рассуждение”).

³ Там же. С. 252.

жое почитается ныне достоинством”⁴. Подобного рода «русская русофобия» являлась по мнению Шишкова следствием вытеснения или полного отсутствия национального воспитания: «какое знание можем мы иметь в природном языке своем, когда дети знатнейших бояр и дворян наших от самых юных ногтей своих находятся на руках у Французов, прилепляются к их нравам, научаются презирать свои обычаи, нечувствительно получают весь образ мыслей их и понятий, говорят языком их свободнее нежели своим, и даже до того заражаются к ним пристрастием, что не токмо в языке своем никогда не упражняются, не токмо не стыдятся не знать оногo, но еще многие из них сим постыднейшим из всех невежеством, как бы некоторым украшающим их достоинством, хвастают и величаются?»⁵

Подобная ситуация была, по Шишкову, совершенно недопустима, ибо означала, что французы “запрягли нас в колесницу, сели на оную торжественно и управляют нами – а мы их возим с гордостью, и те у нас в посмеянии, которые не спешат отличать себя честью возить их!”⁶ Даже победы над французами, одержанные в ходе Итальянского и Швейцарского походов 1799 г. не могли, как утверждал Шишков, спасти положение дел: “...мы учителей своих побеждаем оружием; а они победителей своих побеждают комедиями, пудрою, гребенками”⁷. Возникло своего рода моральное рабство, которое по своим последствиям хуже физического порабощения, всё же оставляющего надежду на грядущее освобождение: “Народ, который все перенимает у другого народа, его воспитанию, его одежде, его обычаям наследует; такой народ уничижает себя и теряет собственное свое достоинство; он не смеет быть господином, он рабствует, он носит оковы его, и оковы тем крепчайшие, что не гнушается ими, но почитает их своим украшением”⁸.

Но каким же образом могла возникнуть подобная ситуация? Шишков объяснял это следующим образом: “когда сообщением своим сблизилась с чужестранными народами, а особливо Французами, тогда вместо занятия от них единых токмо полезных наук и художеств, стали перенимать мелочные их обычаи, наружные виды, телесные украшения, и час от часу более делаться совершенными их обезьянами. <...> Мы кликнули клич (курсив здесь и далее Шишкова – А.М.), кто из Французов, какого бы роду, звания и состояния он ни был, хочет за дорогую плату, сопряженную с великим уважением и доверенностью, принять на себя попечение о воспитании наших детей? Явились их престрашные толпы; стали нас брить, стричь, чесать”⁹. С точки зрения Шишкова даже “и самый благоразумный и честный чужестранец не может без некоторого вреда воспитать чужой земли юноши”. Далее Шишков задавался риторическим вопросом: “какой же вред произведут множество таковых воспитателей, из коих главная часть состоит из невежд и развращенных правил людей?” Ведь: “С нравственностью не то делается, что с естественностью: курица высиженная и вскормленная уткой останется курицею, и не пойдет за нею в воду; но Руской, воспитанный Французом, всегда будет больше Француз, нежели Руской”¹⁰.

Процессы всеобщего “растления” и “заразы” сопровождались массовым напыльвом галлицизмов в русский язык. Всё это однозначно расценивались адмиралом как своего рода «подрывная акция» со стороны сознательных и бессознательных врагов России, которые “вломались к нам насильственно и наводняют язык наш, как потоп землю”¹¹. По Шишкову, сугубая вина сентименталистов состояла в том, что, вводя в русский многочисленные кальки с французского, они игнорировали собственное языковое богатство, что в перспективе могло привести к неминуемой деградации: “до-

⁴ Там же. С.4.

⁵ Там же. С.5-7.

⁶ Там же. С.252-253.

⁷ Там же. С.253

⁸ Там же. С.225-226.

⁹ Там же. С.251-252. В.Я. Стоюнин, написавший резко критическую книгу о Шишкове, отметил по поводу этих слов: “в этом описании все правда, но оно относится более к высшему, придворному обществу” (См. Вестник Европы. 1877. №10. С.518)

¹⁰ “Рассуждение”. С. 253.

¹¹ Там же. С.3.

ведем язык свой до совершенного упадка”¹². “Разогните нынешние наши книги, – негодовал Шишков, – вы увидите, что главная часть писателей наших щеголяют сим тарбарским языком, и называют его новым, вычищенным, утонченным! ...молодые люди, мало упражнявшиеся в языке своем, читая их приучают ум свой к ложным понятиям, к худому складу, к невразумительным выражениям; зло сие возрастает, распространяется, делается общим”¹³, “нигде столько нет ложных, соблазнительных, суемудрых, вредных и заразительных умствований, как во Французских книгах”¹⁴.

Причины крайне негативного отношения Шишкова к французской литературе и французам определялись полным неприятием идей Просвещения и кровавым опытом Французской революции, реализовавшей на практике эти идеи. М.Г. Альтшуллер утверждает, что с точки зрения Шишкова, “нация, уничтожившая монархический принцип и религию, установившая якобинский террор, не может дать миру никаких конструктивных идей”¹⁵. Неприятие им французского языка и культуры носило идейный, консервативно-охранительный характер, было обусловлено стремлением противопоставить просвещенческому проекту собственную национальную русско-православную традицию, ядром которой выступал язык как субстанция народности, квинтэссенция национального самосознания и культуры. Очевидно, что “понятие языка у Шишкова очень широко и в его рассуждениях практически приравнивается к культуре народа в целом”¹⁶.

Пафос критики Шишкова определялся его общей установкой, восходящей к Ломоносову, согласно которой современный ему русский язык должен формироваться прежде всего на собственной традиционной церковнославянской основе¹⁷, которую он изображал следующим образом: “Древний Славенский язык, отец многих наречий, есть корень и начало Российского языка, который сам собою всегда изобилен был и богат, но еще более процвел и обогатился красотою, заимствованными от сродного ему Эллинского языка, на коем витийствовали гремящие Гомеры, Пиндары, Демосфены, а потом Златоусты, Дамаскины и многие другие Христианские проповедники”¹⁸. Таким образом, Шишков творил миф о языке, делая это с определенной культурно-политической целью. Согласно этому мифу, русский язык, через церковнославянский, является прямым “наследником” античной языческой греческой древности и христианско-православной Византии.

Оппоненты Шишкова приписывали ему мысль о полной недопустимости каких-либо заимствований из других языков. Бесспорно, своего рода филологический или лингвистический национализм, граничащий с изоляционизмом был в известной мере присущ Шишкову. Но всё же его взгляды на проблему языковых заимствований были не столь однозначно-примитивны. Во всяком случае, он не отвергал в принципе самой возможности языковых влияний: “по моему мнению кто желает действительную пользу приносить языку своему, тот всякого рода чужестранные слова не иначе употреблять должен, как по самой необходимой нужде, не предпочитая их никогда Российским названиям там, где как чужое так и свое название с равной ясностию употреблены быть могут”¹⁹.

¹² Там же. С.132

¹³ Там же. С.113.

¹⁴ Там же. С.369.

¹⁵ Альтшуллер М.Г. Предтечи славянофильства в русской литературе (Общество «Беседа любителей русского слова») Ann Arbor, 1984. С. 30.

¹⁶ Альтшуллер М.А. С.Шишков о французской революции // Русская литература. 1991. №1. С. 145.

¹⁷ Вообще говоря, идею противопоставить церковнославянский язык наплыву иностранных слов в русский язык принадлежала М.В. Ломоносову и была развита им в сочинении “О пользе книг церковных”.

¹⁸ “Рассуждение”. С.1-2. Надо отметить, что такую же точку зрения высказывал и А.С. Пушкин. Филолог В.В. Виноградов утверждал: “В непосредственности и широте влияния греческого языка на книжно-славянский Пушкин видит одну из основных причин неоспоримых превосходств русского литературного языка перед всеми европейскими языками. Этот книжный славянский язык, воспринявший византийскую культуру и сделавшийся церковно-государственным языком русской нации, оставался, по мнению Пушкина, неприкосновенным до начала XVIII века, до эпохи Петра I”. (Виноградов В.В. Язык Пушкина. М., 2000. С. 18-19).

¹⁹ «Рассуждение». С. 404.

Шишков наметил собственную программу «исправления» «Русского» языка и культуры. С его точки зрения, несмотря на «повреждение нравов», в России еще сохранились остатки мощной культурно-религиозной традиции, на которую необходимо было опираться: «Мы оставались еще, до времен Ломоносова и современников его, при прежних наших духовных песнях, при священных книгах, при размышлениях о величестве Божиим, при умствованиях о христианских должностях и о вере, научающей человека кроткому и мирному житию; а не тем развратным нравам, которым новейшие философы обучили род человеческий, и которых пагубные плоды, после толикого пролития крови, и поныне еще во Франции гнездятся»²⁰.

Обращение к мифологизированному прошлому России, нравственному опыту и обычаям авторитету предков, являлось символической опорой для культурно-политической программы Шишкова. В его изображении русское прошлое было преисполнено гармонии, существовавших в отношениях как между людьми, так и между народом и властью: «Мы видим в предках наших примеры многих добродетелей: они любили отечество свое, тверды были в вере, почитали Царей и законы ... Храбрость, твердость духа, терпеливое повиновение законной власти, любовь к ближнему, родственная связь, безкорыстие, верность, гостеприимство, и иные многие достоинства их украшали. Одно сие изречение: *а кто изменит или нарушит данное слово, тому да будет стыдно*, показывает уже каковы были их нравы. А где нравы честны, там и обычаи добры»²¹.

Представляется, что Шишков, еще задолго до славянофилов, видел в русском крестьянстве источник нравственных ценностей и традиций, уже недоступных «испорченным» высшим классам, хотя эта мысль не приобрела еще в «Рассуждении» классически-четких, славянофильских очертаний: «Мы не для того обрили бороды, чтоб презирать тех, которые ходили прежде или ходят еще и ныне с бородами; не для того надели кроткое Немецкое платье, дабы гнушаться теми, у которых долгие зипуны. Мы выучились танцевать минуэты; но за что же насмехаться нам над сельскою пляскою бодрых и веселых юношей, питающих нас своими трудами? Они так точно пляшут, как бывало плясывали наши деды и бабки. Должны ли мы, выучась петь Италиянские арии, возненавидеть подблюдные песни? Должны ли о святой неделе изломать лубки для того только, что в Париже не катают яйцами? Просвещение велит избегать пороков, как старинных, так и новых; но просвещение не велит едучи в карете гнушаться телегою. Напротив, оно соглашаясь с естеством рождает в душах наших чувство любви даже и к бездушным вещам тех мест, где родились предки наши и мы сами»²².

Возвращаясь к вопросу об опоре на традицию, отметим, что сам Шишков осознал невозможность возврата в прошлое, что ему неоднократно приписывалось²³. Его позиция была достаточно реалистической: «Возвращаться к прародительским обычаям нет никакой нужды, однако ненавидеть их не должно»²⁴.

Таким образом, сформулированная в «Рассуждении» консервативная программа провозглашала необходимость национального воспитания, включающего опору на собственные языковые, политические, бытовые (например, в одежде, еде, повседневных поведенческих стереотипах) традиции, патриотизм, включающий культивирование национального чувства и преданность самодержавной монархии. Дискуссия, связанная Шишковым в его «Рассуждении», лишь формально носила лингвистический характер. Будучи *по форме* трактатом филологического характера, «Рассуждение» *по сути* явилось политическим манифестом складывающегося русского консерватизма.

²⁰ Там же. С. 423.

²¹ Там же. С. 458-459.

²² Там же. С. 458-459.

²³ К примеру, М.Г. Альтшуллер утверждает: «Отвергая все реформы Александра I, Шишков настаивал на возвращении к утопическому прошлому, а значит, на сохранении тех исконных русских начал, которые существуют в современной жизни - от языка до самодержавия и крепостного права». См.: М.Г. Альтшуллер. Предтечи славянофильства в русской литературе (Общество «Беседа любителей русского слова») *Ann Arbog*, 1984. С.44.

²⁴ «Рассуждение». С. 461.

“Рассуждение” Шишкова позволило впоследствии славянофилам называть его в числе своих учителей и идейных предшественников. А.С. Хомяков в диалоге “Разговор в Подмосквой” (1856 г.) заявлял: “...мы не стыдимся Шишкова и его славянофильства. Как ни тесны были еще его понятия, как ни тесен круг его требований, он много принес пользы и много бросил добрых семян. Правда, почти вся литература той эпохи, все двигатели ее были на стороне Карамзина, но не забудьте, что Грибоедов считал себя учеником Шишкова, что Гоголь и Пушкин ценили его заслуги, что сам Карамзин отдал ему впоследствии справедливость”²⁵.

С 1807 г. по инициативе Шишкова стали собираться литературные вечера, получившими впоследствии название “Беседы любителей русского слова”. Целью “Беседы” было укрепление в русском обществе патриотического чувства при помощи русского языка и словесности. Ядро «Беседы» составляли так называемые «архаисты»: А.С. Шишков, Г.Р. Державин, И.А. Крылов и др.

Заседания «Беседы» происходили в доме Г.Р. Державина, который вместе с Шишковым стоял у истоков общества и был одним из его организаторов. Предыстория «Беседы» началась в январе 1807 г., когда Шишков предложил Державину организовать еженедельные литературные вечера, которые стали проходить с февраля того же года, по субботам, поочередно на квартирах у Г.Р. Державина, А.С. Шишкова, И.С. Захарова и А.С. Хвостова. На них читали свои произведения И.А. Крылов, Г.Р. Державин, Н.И. Гнедич и др., причем разговоры велись не только о литературе, но и о текущей политике. Дружеские собрания постепенно принимали организационные формы. На заседаниях «Беседы» постоянно присутствовали сенаторы, обер-прокуроры, камергеры и петербургский главнокомандующий С.К. Вязмитинов, ядро «Беседы» составляла группа лиц, являющихся членами Российской Академии.

Идея окончательно преобразовать чтения в публичные и оформить их юридически возникла в 1810 г., в период резкого усиления «консервативной партии» и консолидации на основе «взрыва» национально-патриотических и антифранцузских настроений русского образованного общества в канун войны 1812 г.

Первоначально общество предполагалось назвать «Лицеем» (год спустя так было названо знаменитое учебное заведение в Царском Селе), затем «Атенеум» или «Афинеем», причем от этого названия отказались, мотивируя тем, что литературные оппоненты могут называть общество «ахинеией». 17 февраля 1811 г. «Беседа» была высочайше утверждена. Первое торжественное заседание и первые чтения последовали 14 марта 1811 г. в доме Державина, который для собраний заново отделал обширный зал и пожертвовал на значительную сумму книги для библиотеки «Беседы». К первому заседанию композитор Д.С. Бортнянский, близкий к императрице Марии Федоровне, по предложению Державина написал поздравительную кантату “Сретение Орфеем солнца”, которая была исполнена по намеченной программе певчими из Придворной капеллы.

Заседания общества проводились один раз в месяц. Право читать на публичных собраниях предоставлялось каждому желающему члену общества. Было также решено издавать периодическое издание общества – «Чтение в Беседе любителей русского слова», в котором должны были публиковать материалы заседаний, а иногда и труды, не читанные на собраниях. «Чтения» распространялись через губернаторов.

Организация общества была тщательно продумана. «Беседа» первоначально состояла из 24 действительных членов и из членов-сотрудников²⁶. Для соблюдения порядка в чтениях она разделялась на четыре разряда. Председателями 1-4 разрядов были назначены соответственно – А.С. Шишков, Г.Р. Державин, А.С. Хвостов и И.С. Захаров.

²⁵ Хомяков А.С. О старом и новом. М., 1988. С. 256.

²⁶ Хвостов Д.И. Записки о словесности / Публ. А.В. Западова // Литературный архив. Вып.1. М.; Л., 1938.

Кроме председателя в каждом разряде было еще по пять действительных членов. Над председателями во главе каждого разряда были поставлены попечители: П.В. Завадовский, Н.С. Мордвинов, А.К. Разумовский и И.И. Дмитриев (первый – бывший, а остальные – действующие министры). К числу действительных членов к «Беседе» принадлежали И.А. Крылов, С.А. Ширинский-Шихматов, А.Н. Оленин, Д.И. Хвостов, А.Ф. Лабзин, А.А. Шаховской и др. В числе 33 почетных членов были главнокомандующий С.К. Вязмитинов, Ф.В. Ростопчин, М.М. Философов, О.П. Козодавлев, П.И. Голенщев-Кутузов, А.Н. Голицын, М.М. Сперанский, В.А. Озеров, М.Л. Магницкий, С.С. Уваров, В.В. Капнист, Н.М. Карамзин, А.И. Мусин-Пушкин, Санкт-Петербургский митрополит Амвросий (Подобедов), епископ Вологодский Евгений Болховитинов. В списке сотрудников значились С.П. Жихарев, Н.И. Греч и др. Хотя император Александр I ни разу не появился на заседаниях общества, несмотря на настойчивые приглашения, вдовствующая императрица Мария Федоровна покровительствовала «Беседе»²⁷.

Подобного рода «плюралистический» состав «Беседы», состоявшей из лиц, принадлежавших к различным политическим и литературным группировкам и направлениям, ранее зачастую находившимся друг с другом во враждебных отношениях (Н.М. Карамзин, И.И. Дмитриев, М.М. Сперанский, М.Л. Магницкий, С.С. Уваров, А.Н. Голицын, Ф.В. Ростопчин, А.С. Шишков, П.И. Голенщев-Кутузов и т.д.), заставляет предположить, что одной из недекларируемых целей «Беседы» было объединение прежних идейных оппонентов в атмосфере резкого усиления угрозы со стороны наполеоновской Франции.

Исследователь деятельности «Беседы» М.Г. Альтшуллер так характеризовал ее основной состав: «Самый беглый взгляд на список членов «Беседы»... не позволяет рассматривать общество как сборище бездарностей и тупых реакционеров. Перед нами объединение, располагавшее первоклассными литературными силами. Во главе «Беседы» стояли такие крупные личности и талантливые литераторы, как Шишков и Державин. Важную роль в ней играл регулярно присутствовавший на заседаниях И.А. Крылов. Среди ее членов мы видим таких талантливых писателей, как Шаховской, Шихматов, Капнист, Горчаков, Греч, Бунина, Гнедич (формально к «Беседе» не принадлежавший) и др. В состав объединения входили видные ученые и общественные деятели: Мордвинов, Оленин, Болховитинов, Востоков и др.»²⁸

На собраниях «Беседы» зачастую присутствовал весь цвет Петербурга. Она пользовалась демонстративной поддержкой православной церкви; так, в январе 1812 года «Беседу» посетили все члены Св. Синода²⁹. Наиболее активными членами «Беседы» были Державин, Шишков, А.С. Хвостов, И.А. Крылов, А.А. Шаховской, Д. Хвостов. Заседания «Беседы» собирали до нескольких сот человек.

Одним из самых выдающихся событий за весь период существования «Беседы» было чтение Шишковым «Рассуждения о любви к Отечеству», которое состоялось 15 декабря 1811 г. «Приурочительное» чтение состоялось 4 декабря 1811 г. На этом общем собрании «Беседы» присутствовали все «попечители», кроме Мордвинова, то есть свое «Рассуждение» Шишков прочитал с их согласия и одобрения. Таким образом, выступление Шишкова не было его индивидуальным деянием, а выступлением целого общества, на торжественное заседание которого, согласно свидетельствам современников, съехался верхний слой дворянского общества, около четырехсот человек, оно было программным и имело прямой политический смысл. В преддверии войны Шишков сформулировал основные источники, на которых должен строиться и ук-

²⁷ Альтшуллер М.Г. Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. М., 2007. С. 168.

²⁸ Там же. С.57-58.

²⁹ Письмо князя А.Н. Голицына Г.Р. Державину от 25 января 1812 г. // Державин Г.Р. Сочинения. Т. VI. СПб., 1871. С. 227.

репляться патриотизм. Это православная вера, воспитание и язык русский³⁰. Тем самым Шишков предвосхитил уваровскую формулу. Речь вызвала огромный общественный резонанс в предверии Отечественной войны взгляды Шишкова явно оказались востребованными высшей властью и обществом; она была причиной того, что 9 апреля 1812 г. Шишков был назначен на пост государственного секретаря, заменив опального М.М. Сперанского. Шишков обязан был неотлучно находиться при императоре в качестве личного секретаря для составления важнейших манифестов, рескриптов, указов и других бумаг канцелярии Александра I. В ходе Отечественной войны 1812 г. Шишков фактически выполнил роль ее главного пропагандиста и идеолога. Составленные им манифесты, призванные откликаться на все важные события, поднимать дух народа и армии, пользовались огромной популярностью. В 1814 г. император освободил Шишкова от должности государственного секретаря по состоянию здоровья с одновременным назначением членом Государственного Совета. Кроме того, в 1813 г. Шишков был назначен президентом Российской Академии (до 1841 г.). Поскольку после победы над наполеоновской Францией проблема галломании утратила остроту, он явно охладел к деятельности «Беседы». В 1816 г. вслед за смертью Г.Р. Державина «Беседа любителей русского слова» прекратила свое существование. В 1822 г. Шишков попытался возобновить практику литературных вечеров, причем совместно с Карамзиным, Блудовым и Дашковым, однако эта инициатива не удалась³¹. В 20-е годы XIX в. Шишков стал одним из главных лидеров «православной оппозиции» (в нее входили митрополит Серафим (Глаголевский), архимандрит Фотий (Спасский), А.А. Аракчеев, М.Л. Магницкий и др.) которая вела борьбу с распространением западноевропейского мистицизма и экуменической политикой министерства духовных дел и народного просвещения, возглавляемого князем А.Н. Голицыным. После отставки Голицына в 1824 г. пост министра народного просвещения и главноуправляющего духовными делами иностранных исповеданий занял Шишков. На этом посту он добился закрытия Библейских обществ – проводников экуменической политики, выступал против перевода Библии с церковнославянского на литературный язык, так как это, с точки зрения «православной оппозиции», вело к «профанации» текста (в 1825 г. издание Библии на русском языке было прервано). По инициативе Шишкова в 1826 г. был принят цензурный устав, прозванный современниками «чугунным», который был призван в максимальной степени предотвратить распространение радикальных и либеральных идей. На посту министра просвещения Шишков подготовил программу национального воспитания в духе православия, верности самодержавию и сословным началам. В 1828 г. Шишков был отправлен в отставку с поста министра «по преклонности лет», сохранив звание члена Государственного Совета и президента Российской Академии, однако, основные принципы его политики в области просвещения были в 1830-е гг. продолжались реализовываться С.С. Уваровым. Последние годы жизни Шишков занимался по преимуществу научно-филологическими изысканиями. В своих работах Шишков уделял большое внимание развитию филологии, развивая в своих работах тезис, что все языки имеют одни общие корни, исходящие из славянского языка. Он стремился обосновать ненужность заимствований из иностранных языков, так как в русском языке всегда можно найти аналог иностранному слову.

Таким образом, по своим взглядам Шишков, наряду с Н.М. Карамзиным, Ф.В. Ростопчиным, С.Н. Глинкой, А.С. Стурдзой, являлся одной из ключевых фигур зарождавшегося в первой четверти XIX в. в России консервативного направления общественной мысли, его православно-патриотического «крыла». Его можно рассматривать как непосредственного предшественника двух идеологических течений: так на-

³⁰ Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб. Т 4. С. 74-87.

³¹ Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. СПб., 1886. С. 342; Десницкий В. На литературные темы. Кн.2. Лг., 1936. С. 186.

зываемой “теории официальной народности” и славянофильства. Д.Н. Свербеев справедливо утверждал, что Шишков «...бессознательно первый воплотил в себе тричастный русский символ “православие – самодержавие – народность”, который потом сделался в одно и то же время программой царствования императора Николая, девизом гр. Уварова и, наконец, надписью на знамени позднейших славянофилов”³².

A.S. SHISHKOV AS AN IDEOLOGIST AND PRACTITIONER OF THE RUSSIAN CONSERVATISM

A. Yu. MINAKOV

Voronezh State University

e-mail: arkadyi@vmail.ru

The article describes major facts of life and activities of A.S. Shishkov, an outstanding representative of the Russian conservative thought of the first third of the XIX century. The author analyses one of Shishkov's main works «On old and new style of the Russian language», as well as circumstances of creation and activities of the literary association of the Russian conservatives «Conversation of the Russian word lovers».

Key words: early Russian conservatism, Gallomania, Orthodox tradition, national education, Slavophilism, state ideology.

---

³² Свербеев Д.Н. Первая и последняя моя встреча с А.С. Шишковым. (Из записок Д.Н. Свербеева) // Русский архив. 1871. № 1. С. 178.